Чем дальше по шкале времени отодвигается от нас советское прошлое, тем чаще всплывают из тьмы времён, казалось бы, давно канувшие в небытие исторические дневники, тщательно скрывавшиеся и уничтожавшиеся. На родину доходят мемуары и литературные сочинения эмигрантов, восстают из-под спуда записки и произведения политических заключённых — недодавленные, недосожжённые, истекающие ужасом и кровью трагические свидетельства непосредственных участников и очевидцев страшной гражданской бойни.

Старшее поколение хорошо знает трагедию русского казачьего сословия по роману Михаила Шолохова «Тихий Дон» — роману, созданному гениальной кистью, к которому возвращаешься и перечитываешь его снова и снова хотя бы просто для того, чтобы ещё раз насладиться красотой и мощью авторского таланта, живописными полотнами казацкого быта и колоритным

народным говором его героев. Я уж не говорю о лирической стороне сюжета и глобальных и мудрых авторских раздумьях над проблемами бытия, равных по высоте шекспировским вопросам.

Каково же было моё изумление, когда оказалось, что «Тихий Дон» — не единственная книга-свидетельство исторической правды и что существует ещё несколько удивительных и мощных романов, вышедших из казачьей среды или, во всяком случае, рассматривающих именно её — на том же пике гражданского противостояния.

Русское казачество было своеобразным, отличным от общей массы русского населения, сословием — более грамотным, более сплочённым воинской дисциплиной, более самостоятельным и зажиточным и обладающим большими воинскими умениями и знаниями. И понятно, что такое «государство в государстве», которое к тому же, в силу присяги, принимавшейся в юном возрасте, цепко держалось за старые традиции и старую власть, не могло иметь никакой исторической перспективы внутри советского политического строя.

То, что всё-таки уцелел и вышел в журнальной публикации роман казака и политического заключённого Ивана Веневцева «Урал — быстра река», — показатель того, что общество всё-таки нуждается в исторической правде и уже не только способно её выслушать, но определённый процент населения созрел и для того, чтобы пересмотреть свой взгляд на историю гражданской войны. Я не говорю об измене своей политической системе ценностей. Политический выбор остаётся за каждым из нас, и он совершенно не зависит от исторических перипетий развития государства, поскольку в основе его лежит идея, а не биография конкретных исторических лиц и их деяний, производивших глобальные изменения в стране. Но научиться отделять шелуху пропаганды от зерна реальных, истинных событий, научиться выслушивать все стороны и оценивать только факты (причём во взаимосвязи с внешней и внутренней исторической обстановкой того времени, а не взглядом из будущего, учитывающим всё, что тогда не было известно), анализировать и самостоятельно делать выводы — к этому мы обязаны наконец прийти, если хотим стать действительно свободным гражданским обществом, а не послушным мегафончиком той или иной власти. Потому что просто протестные настроения — это фактически протест против всего, против власти как таковой, а значит, анархия и безумие, значит, возгорание будущих социальных и национальных силовых конфликтов. И кто этого не понимает, ещё не умеет мыслить глобально, интересами своего Отечества. Узнавать историческую правду никогда не поздно, и она для нас — не балласт

лишних знаний, а пособие внутреннего роста и развития, становления нашего мышления. Чем больше в государстве людей мыслящих, причём мыслящих самостоятельно, а не «протестно» и не «как надо», тем состоятельнее такое государство и в своей экономике, и в своей текущей политике. Не использую слова «демократичнее» из-за слишком омерзительной окраски, в которой измазали это чистое и благородное понятие современные политические деятели разных стран.

Роман «Урал — быстра река» написан в лагере, там же украден, заново восстановлен. Из-за постоянных отказов в публикации неоднократно подвергался автором редактированию, чтобы отвести от своей семьи угрозу преследования (Увы, эти места уже не восстановить).

Иван Веневцев был талантливой и развитой личностью, но не успел получить систематического образования. Он только прошёл курс подготовки к поступлению в училище и не успел даже сдать экзамены, когда грянула Первая мировая война, затем революция, и вихрь событий подхватил его и понёс, как миллионы других человеческих судеб, в пекло гражданской войны. Веневцев вслед за старшим братом, которого любил, уважал и которому подражал во всём, примыкает к казакам атамана Дутова, и это определяет всю его дальнейшую судьбу.

Недополученное образование сказалось на романе. Там, где автор пишет о казачьей среде, у него живой образный язык, неподдельный, сочный, народный, на уровне с гениальными шолоховскими диалогами и описаниями природы и быта. Однако композиция сюжета, начавшегося с времени непосредственно перед Первой мировой, носит довольно хаотичный характер, и вторая часть, где изображается отступление и бегство дутовцев в Китай, частично написана более сухим языком, я бы сказала, языком военных мемуаров, а не народного романа.

Роман сберёгся, прошёл все мытарства по редакциям различных газет и журналов и всё-таки дошёл до читателя благодаря настойчивости и заботам сына автора романа, Сергея Ивановича Веневцева (1916–2003), и внука по материнской линии, Сергея Фёдоровича Попова.

Чтобы небольшой и осторожной литературной «доводкой» придать роману вид, достаточный для публикации, усилить его цельность и выразительность, приложил свои старания и прекрасный поэт, писатель и литературовед из Оренбурга Валерий Николаевич Кузнецов. По себе знаю, насколько сложна и ответственна эта миссия, когда берёшься восстановить авторский замысел по черновикам, неотшлифованным наброскам, нескольким наспех набросанным вариантам и при этом стараешься

не навредить — не исказить приданием чрезмерной «литературности», а значит, стандартности, самое главное — авторскую индивидуальность. Валерий Кузнецов справился с этим мастерски — по роману даже не видно, что его правила чужая рука, полностью сохранён авторский язык, угол зрения, манера мыслить и выражать свои мысли, даже тон, особая интонация.

Хочется отметить, что суховатые страницы «развязки» конца романа вполне компенсируются мощными авторскими удачами, как раз тем и интересными, что они идут от прирождённого чутья и таланта, а не от литературных навыков и опыта. Эти удачи лишены печати какой-либо литературной школы, кроме самого духа творчества, созревшего среди благодатной русской классики, впитавшей её, но не прошедшего её канонической мастерской. Оттого роман дышит живой импровизацией, неподдельным чувством, в нём рыдает, пляшет, хохочет и страдает, косит, поёт, ходит в атаку, думает над жизнью сам народ казацких станиц, так основательно и в то же время слегка по-детски, простодушно, как никогда не написал бы об этом писатель профессиональный, побоявшись впасть в сентиментальный тон. У казаков же налёт романтизма, удали и обострённости сердечных чувств (как говорится, душа нараспашку) присутствовал в самой гуще жизни и быта и не считался чем-то странным, ребяческим.

Тем и ценна книга Ивана Веневцева, что она прекрасно дополняет «Тихий Дон». Дополняет не только тем, что рисует оренбургское, а не донское казачество, а также соседствующих с ним киргизов. И не только тем, что любовно и со знанием дела изображает народные обычаи и традиции — как проходят церковные праздники, народные гуляния, ухаживание, сватание, венчание и свадьбы, как с малых лет строится воспитание и обучение молодых казаков и их дальнейшая служба, как выбирают в атаманы. И даже не только тем, что в романе даётся в развитии история заселения и освоения русскими и украинскими казаками этих мест, служба русским царям в нескончаемых войнах, первоначальная вражда, переросшая в крепкую дружбу с местными жителями-киргизами. В «Тихом Доне» эти стороны народной жизни были представлены более скупо. Но главное — «Урал — быстра река» ещё шире и подробнее отражает события гражданской войны и те причины, которые её подготовили. Веневцев, пытавшийся гораздо позже Шолохова обнародовать своё произведение, уже не был так стеснён цензурой и страхом перед репрессиями. Он их к тому времени прошёл и на улучшение своей судьбы не рассчитывал, этой иллюзии давно не питал. Поэтому Веневцев

отражает события, не скрывая того, что неудобно и невыгодно было показывать официальной истории советских времён, описывает сознательные действия или бессознательные промахи советской власти на местах и в центре (которые так или иначе всё равно вели к террору), давая более полную картину событий и того, как постепенно менялись настроения казачества и населения городов.

В целом, если ещё учитывать появившиеся в годы так называемой перестройки «Красные дни» Анатолия Знаменского и «Наш маленький Париж» Виктора Лихоносова, вместе с романами Шолохова и Веневцева мы имеем глобальную, эпическую картину жизни казачества, его истории и гибели. Хорошо было бы проследить по этим романам всё в целом и обобщить. Ведь из них вырисовывается такое панорамное полотно, какое не снилось и историкам, до сих пор стыдливо скрывающим то, как людям приходилось всячески открещиваться от своих казачьих предков и сжигать их воспоминания и фотографии, чтобы не сесть в лагеря за одно только «неправильное» происхождение. Контрреволюционным считалась уже сама принадлежность к казачьему сословию, поэтому даже рукописные воспоминания прадедов о давних исторических событиях, фольклорные этнографические записи обычаев и песен, старые снимки могли принести их владельцам верную гибель.

Не претендуя в этой рецензии на роман раскрыть всю его глубину и красоту, я хочу всё же отметить то, что меня в нём поразило, затронуло, или было внове, или показалось очень интересным и выразительным. Ведь без этого любая рецензия будет неполной.

Учась у Шолохова, которого Иван Веневцев не только читал и любил, но и внимательно перечитывал, стараясь вникнуть в секреты его изумительного мастерства, он старался каждый поворот в жизни героев или страны оттенять лирическими зарисовками природы. Это не только украшает произведение, но и усиливает читательское восприятие, поскольку основано или на контрасте, противопоставлении, или на совпадении в природном и человеческом бытии.

Роман «Урал — быстра река» начинается с описания степной бури и степных обитателей:

«Сколько степных существ в страданиях погибает, когда борьба становится непосильной, сколько растёрзывается и пожирается более сильными и хищными! Остаётся беспомощное потомство, или дети умирают на глазах родителей, вызывая страдание.

Незаметна человеку эта жизнь, полная неведомых ему страстей, стремлений и противоречий. А степному миру незаметна жестокая, осмысленная

и кровожадная — борьба человеческая».

На противопоставлении строится и описание первого боя казаков из станицы главного героя с советскими частями:

«Не обращая внимания на жужжание пуль, жаворонки не умолкали, иногда вылетали из-под самых ног и тут же скрывались в ковыле. Птицы пели и порхали над головами… Радость степной жизни вокруг, порханье и щебетанье птиц ещё больше щемили сердце и повергали в грусть. Не чувствовалось зноя, как будто не грело солнце, тело била дрожь от неведомого холода. В дни радостные, счастливые тяжелее ощущается приближение смерти, чем в дни скорбные, в дни несчастья и обиды».

А вот описание возвращения перелётных птиц, которое видят отступающие к китайским границам белые части:

«Показались перелётные птицы, зимующие далеко у берегов Средиземного моря, в Северной Африке. Родовой инстинкт гнал их сюда, в места, не совсем ещё освободившиеся от снега. Иногда они замерзали, погибали от бескормицы, не найдя открытых рек, обнажённых полей и талой воды, бессильные остановиться перед временем любви, откладывания яиц в новых летних сибирских, уральских гнездовьях…»

Возвращение птиц происходит на фоне отступления с его страшными подробностями — голодом, холодом, ночёвками прямо в поле, тифом, вшами, неорганизованностью и путаницей, не говоря уже о внутренних противоречиях внутри белой армии, между разными её слоями. Но если перелётные птицы, тоже проходя через все перипетии путешествий на большие расстояния и тоже отдавая свои жизни, стремятся к дому, то белая армия, отступая в Китай, отдаляется от родины и навсегда теряет её.

Такие живописные талантливые зарисовки из жизни природы и людей на фоне гражданских потрясений в стране удивительно художественно смотрятся в романе и вместе с описанием быта и фольклора казаков являются наиболее яркими местами в произведении, — если, конечно, не брать во внимание центрального сюжета — любви главных героев.

Небольшое замечание в начале романа о том, как начиналось заселение и освоение этих краёв («Даже на полевые работы и пастьбу скота мужчины выезжали вооружёнными. Владели оружием и жёны казаков. Не однажды в отсутствие мужчин женщины защищали свои станицы от внезапных нападений»), заставляет вспомнить такой цельный, стойкий и несокрушимый характер, как Аксинья Астахова у Шолохова. «Наши бабы сручные к работе: вилы возьмёт, черенья не терпят — ломаются, на жнейку сядет — сваливает, как мужчина. Наша баба любого городского мужика поборет, да ещё через себя,

проклятая, норовит бросить, язви её», — говорит главный персонаж, сын бывшего поселкового атамана Михаил Веренцов, в котором угадывается сам автор. В романе, однако, главной героиней и персонажем с подобной Аксинье целеустремлённостью и желанием всегда быть рядом с любимым является не казачка, а городская учительница Галина, дочь богатого калужского собственника Мазорцева, выданная замуж накануне Первой мировой и почти сразу же ставшая вдовой. Это не просто нетипичный для казачьего романа персонаж: и в жизни любовь казака и горожанки из центральных русских губерний случалась лишь как явление экстраординарное. Чувствуется, что если Шолохов, изображая судьбы, создавая образы, делал художественные обобщения, уделял большое внимание типизации, и биография каждого его персонажа, имея черты разных реальных прототипов, строится всё-таки на самых типичных, распространённых чертах характера и событиях, — то в основе романа Ивана Веневцева лежат воспоминания о его жизненном пути, о тех, с кем сводила его судьба. Т.е. этот роман в большей мере автобиографический — во всяком случае, мемуарная основа в нём сильно ощутима, хотя и прикрыта художественной выразительностью, вымышленными именами и сценами.

Хорошо в романе выписана речь героев. Если Галина выражается так, как свойственно молодой городской барышне, ласково, нежно, гармонично и образно («Я уже не могу без этой неуклюжей нежности, без всего, что зовётся Мишей, Мишенькой… Женихи в Калуге — мухи около мёда, лгуны болезненные, противно с ними говорить. Они и липнут-то из-за денег. А ведь этому ничего не надо, он и сам богат, и своё-то, не задумываясь, отдаст»), то Михаил Веренцов говорит так, как свойственно казакам, с народными оборотами и крепкими словечками: «Эх, Галя, Галюня, чёрт тебя поднёс, заразу. До тебя я хозяином в станице был — над всеми парнями и девками, да как заиграю на гармошке… Дух захватывает! А теперь и гармошку в руки не беру, её, наверное, мухи всю засидели, не знаю, что на улице делается… Только, знаю, прячусь от всех, да к тебе… Тьфу, мать твою так…» И совсем отличается от них искажённая русская речь юной красавицы-киргизки Балкуныс, влюбившейся в Михаила, который был другом её старого мужа:

«— Ай, пожалуйста, Мишка, айда кибитка. Кулумгарейка узнает: ты не пошёл кибитка, бить меня будет, скажит, звать не умела, — пересыпая слова матерщиной, старалась блеснуть знанием русских слов Балкуныс».

Конечно, в речи у героев Шолохова есть ещё и индивидуальные особенности, характеризующие каждый персонаж. «Тихий

Дон» выписан более тщательно. Тем не менее, даже будучи составлен урывками, в самых неподходящих условиях, роман «Урал — быстра река» удачно развивает «казачий словарь» Шолохова, поскольку насыщен чисто оренбургскими казачьими диалектизмами и фразеологизмами; в целом же эти два романа — обширный источник подлинного казачьего говора.

Как и в романе Шолохова, у Ивана Веневцева чета влюблённых тоже терпит поражение в битве с узаконенным обычаем, поскольку казаков женили по выбору его близких родственников. Вот и Михаила Веренцова женили на той, кого подобрала ему сноха, жена брата: «уж больно родители-то невесты хорошие. Сноху поддержали большинство родственников, и вопрос был решён», тем более что «женитьба уже начата, и бросать её на полдороге значит вызвать насмешки у всей станицы». Возможно, после революции, когда появилась возможность развода, влюблённые и смогли бы соединиться, но Галина, как и Аксинья, гибнет от случайной пули. Не думаю, что автор стал бы просто копировать сюжет Шолохова — данное совпадение только подтверждает как то, что роман «Урал — быстра река» является в значительной степени автобиографическим, так и то, что в горниле гражданской войны гражданское население гибло массово. Так что это не случайное совпадение, а показатель типичности.

Чрезвычайно занимательны исторические и этнографические описания, касающиеся станицы Благословенной, где происходит действие. Ранее на этом месте находился кордон Приуральный, на который во время войны напал сам султан с отборным отрядом всадников. Казак, сразивший султана в поединке, и стал основателем станицы. Её первыми жителями были переселенцы как русских, так и украинских станиц Урала. Для меня, например, было неожиданным узнать, что после упразднения Запорожской Сечи часть казаков ушла не только в Турцию и на Кубань, но и на Урал. Несомненно, эта малоизвестная подробность будет небезынтересна и для читателей.

Со временем население станицы смешалось, и украинские песни знал каждый казак-благословенец. Но быт, одежда, причёска сохраняли национальный колорит: «Брат Наташи — Василий незаметно отлучился и появился уже в украинской одежде: в широких красных бархатных шароварах, заправленных в хромовые полусапожки на низком каблуке; в белой рубашке, расшитой на рукавах и груди замысловатыми рисунками и заправленной в шаровары… Глаза у Василия большие карие, брови чёрные, усы мышиными хвостиками опускаются по углам рта».

Новое название кордону Приуральному дал наместник царя,

генерал Перовский, который, приехав в Оренбургский край, сказал казакам: «Вы стоите на острие киргизского копья. Благословляю вас на подвиги. И кордон ваш отныне нарекаю называть: станица Благословенная». Именно в Оренбуржье были задержаны кочевые набеги вольных киргизских племён, двигавшихся на Русь. Однако, когда прекратились набеги, казаки крепко подружились с киргизами, с которыми у них было много общего: «Всё в них нравилось казакам: лихость конной езды, гостеприимство, мягкость и уступчивость, верность в дружбе. Привлекала даже способность «чисто» украсть и не попасться. Почти те же качества киргизы находили в казаках». — Так психологически точно подметил и передал Иван Веневцев главную черту русского народного характера — распахнутость души перед любым соседом, умение найти общее с любым народом, проживающим с ним бок о бок, будь то украинцы или киргизы, способность крепко дружить и делиться своими знаниями и навыками.

Кочевники осели на земле, стали разводить несметные стада скота и даже сеять просо. А рядом раскинулись казачьи посевы хлебов. Как поэтично это описано у Веневцева! «На краю жёлтого вздыхающего моря зеленеют поля, изрезанные ровными клетками, украшенные смеющимися подсолнухами. Это бахчи, усеянные жёлтыми медовыми дынями, зеленовато-белыми тонкокожими арбузами». Тонкие метафоры, свойственные лишь тем из писателей, кто обладает поэтическим видением мира.

Характер любого этноса и субэтноса определяется климатом и сложившимися исторически обстоятельствами. И у казаков как субэтноса тоже сложился свой темперамент: «Здесь всё делается быстро, вскачь, ватагой. Так празднуют, так дерутся, работают». И особенно это проявлялось в свадебные и праздничные дни: «Всё несётся в бешеной скачке, не разбирая дороги и углов, всё кричит, вываливается из саней, сваливается с коней, снова вскакивает и снова несётся, обгоняя друг друга».

Чего стоит хотя бы один эпизод с Касаткиным из сценок сумасшедших выходок, сумасбродств и безрассудств, которыми так богат роман. Казак из станицы Красноярской Касаткин выпивал в трактире вместе с казаками-благословенцами и расхвастался, что его конь не боится ни огня, ни воды. Благословенцы стали его подбивать спрыгнуть вместе с конём с яра прямо в Урал и, чтобы уязвить, назвали всех красноярцев трусами. «Пьяного Касаткина будто пчела ужалила в самое сердце, уж больно задето было его казацкое самолюбие. Он скрипнул зубами: «А, так вашу мать!» — и, вскочив с места, как сумасшедший, впрыгнул в тарантас

и погнал в карьер по улице, к Уралу». Естественно, впряжённый в тарантас конь вместе с хозяином и тарантасом грянул в пучину и пошёл ко дну. Однако Касаткин всплыл, и его спасли, а его первый вопрос был, «не спасли ли, кроме него, бутылку водки, спрятанную под кошмой в тарантасе».

Такие весёлые сценки служат настоящим украшением романа «Урал — быстра река». В них блестяще описаны лихость, ловкость, сметливость и бойкость казаков, их невероятная смелость и головокружительные выходки, их добродушный юмор и любовь к розыгрышам. Надо ли тут вспоминать о шолоховском деде Щукаре, чтобы понять, насколько оба романа опираются на реальный народный характер!

Даже в военное время проявлялось бедовое казацкое сумасбродство: «при отправке казаков в поезд садится не более трети личного состава — остальные пьют где-то в кабаках и ресторанах, разъехавшись по всему городу… потом отставшие догонят эшелон на пассажирских и скорых поездах. Это вошло в систему и как бы «узаконилось». Начальство на это махнуло рукой…»

Тем не менее, боевые качества казачьих воинских частей всегда были лучшими в русской армии — можно вспомнить хотя бы казачьи отряды, гнавшие Наполеона аж до самого Парижа. Высокая боевая выучка определялась системой воспитания. Казачат с детства приучали к военным упражнениям, воинскому строю. На страницах романа «Урал — быстра река» в ярких запоминающихся картинках из жизни даётся понятие об этой системе. Вот, например, взятие снежного городка, который для скольжения ещё и обливается водой:

«Выстраиваются… в конном строю и по команде бросаются к нему бешеной ватагой. На пути — барьеры из хвороста и брёвен, снежный вал, горящая свёрнутая жгутом солома. Перед самым городком атакующих обстреливает холостыми залпами пехота, забрасывает их снегом. Подскакав, атакующие со всех сторон спрыгивают с коней прямо на лёд городка. Чтобы удержаться на нём, у каждого в обеих руках железные тычки… Они поочередно втыкаются в снег и позволяют сильному взобраться на верх пирамиды».

Статная, дородная, красивая казачка Ольга Щёголева напряжённо наблюдает за атакой: там и её муж Николай. Она не обращает внимания на подначки и зубоскальство стоящих рядом мужчин и кричит: «Коля, только приз. Не возьмёшь, дома ничо не получишь!» — вот насколько большую значимость придавала вся станица воинскому умению своих земляков. Не взявших приз казаков жёны не подпускали к себе, а «взявших приз дома встречают восторженно и будут помнить об этом всю жизнь». После взятия городка — военные упражнения:

джигитовка, рубка шашкой лозы, уколы пикой чучела.

Такое воспитание преследовало сразу несколько целей. Все учились и росли друг у друга на глазах, видели, на что каждый способен, — идти ли ему в военное училище, или отслужить действительную службу и вернуться к земледелию. Вера командирам, вышедшим из своей же среды, была безоговорочная, а лишь такая сплочённость делает воинские подразделения крепче цемента. Дружба тоже была настолько тесной, что никто и подумать не мог кинуть товарища в опасной ситуации и самому спасаться. Его бы просто не простили в станице, и кличка «трусы» пристала бы насмерть ко всему его роду.

Но и это ещё не всё в удивительной насыщенности романа живыми наблюдениями быта, обычаев, психологии, семейных отношений, образа мыслей, характера службы. Иван Веневцев подметил все сколько-нибудь важные стороны казачьей жизни, не исключая социально-экономических характеристик. Что обычно думает читатель о казачьем атамане? Конечно, считает его крепким хозяином, богатеющим год от года. Но вот всего лишь несколько строк о Степане Андреевиче Веренцове, отце главного героя — Михаила, и эти несколько строк полностью переворачивают наше представление: «Степан Андреевич пришёл с действительной старшим урядником, был выбран станичным атаманом и прослужил на этой должности девять лет. Семья скопилась большая, а хозяйство без рабочих рук пришло в упадок. «Если бы я не бросил атаманить, — говорил после Веренцов, — то на себя и на ребятишек пришлось бы сумки повесить...» Бросил Степан Андреевич службу атамана, но долго не мог вылезти из нужды, пока не подросли старшие дети: дочь и два сына». Так что на самом деле атаманство — это была огромная ответственность, и не оставалось времени на то, чтобы заниматься собственным хозяйством. Мало того — в грозные времена, такие как гражданская война, атаманство грозило носителю этой должности прямыми репрессиями. Не случайно так колоритно и иронично автор изображает сцену выборов.

Если кто думает, что казаки держались за самодержавие потому, что оно давало им какие-никакие привилегии, то он ошибается. Как убедительно доказывает Веневцев, воинская служба постепенно разоряла казацкие семьи: «Уходя на службу в мирное или военное время, казак обязан был приобрести коня с седлом, шашку, пику и всё обмундирование. Это стоило более двухсот рублей, как четыре крестьянских коня или шесть коров. Если казак собирал в полк двух-трёх сыновей, он разорялся». Воинскую службу несли до 45-ти лет, дома в это время оставались жёны с малыми детьми

(ради них казаки и женились так рано) и престарелые родители.

Чем занимались на военной службе в мирное время? Как раз тем, за что казаков вся Россия стала считать «цепными псами самодержавия»: им поручалось то, что обычно возлагается на внутренние войска, — конвоирование арестованных, подавление народного недовольства, разгон демонстрантов и забастовщиков. Так умело тогда натравливалось одно сословие на другие, хотя везде, не исключая казачьи станицы, хватало бедности и скудости. Образ казака задолго до революции 1917 года стал в глазах россиян пугалом, и даже верхушка советского правительства долго держалась самого отрицательного мнения о казачестве, применяя репрессии ко всему сословию в целом. «Какая грань легла между казаками?.. какие интересы скрестились у казаков с неказаками, и кому это нужно? Почему их все так бранят в центральных губерниях, называют головорезами, контрреволюционерами?» — размышляла Галина, когда ехала из Калуги к своему любимому, в самую гущу драматической борьбы на Урале.

Однако и не без оснований сложилось это мнение! Вот, например, как описывает автор отношения казаков и иногородцев. На вольные, дёшево стоящие земли Оренбуржья существовал большой спрос среди выходцев из центральной России. Здесь оборотистый человек мог быстро разбогатеть, поскольку занимался только сельским хозяйством и не разорялся от военной повинности. Такие люди зачастую достигали почётного положения в обществе. Но породниться с казаками могли лишь при крайней бедности последних или при наличии болезней и физических недостатков у невест из казачьей среды. Только и это не гарантировало того, что следующие поколения породнившихся будут считаться казаками! Да и просто поселиться рядом со станицей или купить в ней дом иногородний не мог без разрешения общего казачьего схода. И эта пропасть продолжала сохраняться в годы гражданской войны, даже между братьями по оружию, воевавшими по одну сторону баррикад. Вот как об этом рассуждают между собой Михаил со своим отцом:

«Мужиков надо было взять под своё крыло, отдать им все помещичьи земли, а которые живут с казаками, наделить своей землёй. А Дутов сложил им дулю и сунул под самый нос. А они теперь сунут Дутову не дулю, а что почище. А их ведь в Сибири очень много, мужиков-то.

— Что нам, казакам, требуху выпустят, то я хорошо знаю, — шептал отец. — …Казаков пять мельонов, а мужиков — сто семьдесят…»

Вот и получилось так, что в конце концов отряды иногородних предали дутовцев красным частям.

Иван Веневцев с большим знанием дела изображает как причины, побудившие даже прокоммунистически настроенных казаков стать на сторону белой армии, так и причины, обусловившие разгром казачьего генерала Дутова. Если в «Тихом Доне» читателю тонко намекают, представляя взаимное ожесточение как результат не столько имущественного расслоения, сколько царящего между казаками и красными недоверия, нетерпения, ошибочных действий со стороны новой власти, то в романе «Урал — быстра река» (а ещё прямее и резче — в казачьем романе «Красные дни» Анатолия Знаменского, о котором я писала в начале статьи) идёт незавуалированное указание на фигуру Троцкого и троцкистов как те силы, которые были изначально нацелены на физическую расправу с казачеством в целом, на то, чтобы стереть население всех станиц буквально с лица земли, вместе с женщинами и малыми детьми. Правда, Веневцеву не удалось так подробно и ярко, как Знаменскому, осветить зловещую роль троцкистов в том, как умело разваливались ими или гибли от прямого предательства красные казачьи отряды, как бессудно расстреливались коммунистические казачьи советы, как из-за такой политики вообще чуть не кончилась победой белоказаков гражданская война. Зато Иван Веневцев лучше смог отразить тот внутренний антагонизм, который существовал внутри казачьих частей, и, более того, полную идеологическую и политическую некомпетентность, проявленную руководством белоказаков.

Беспощадно точно оценивает это старший брат Михаила, Митя, талантливый офицер и честный человек: «Казаки, я не говорю уже о солдатах, не знают, за что они воюют, а внушить им никто и не думает… Агитационных отделов нет, а где они есть — бездействуют… Чинопочитание, отдание чести у нас свило смердящее гнездо… наши — дураки, остолопы, не знают политики… Александр Ильич Дутов не глупый генерал, а вот не умеет держать народ в руках путём внушения и агитации. Он действует всё приказами да репрессиями…» Митя не строит себе иллюзий в отношении разброда и жестокой грызни между различными частями армии Дутова, он даже задолго до отхода дутовцев в Китай предвещает то, чем кончится белый поход против Советов. Но он казачий офицер, чуть ли не с пелёнок выращенный в духе верности и преданности тому, чему он принёс присягу, потому и младшего брата он предостерегает от сдачи красным: «Правы мы в борьбе с большевиками или нет, — это другое дело, но в каких рядах сражаешься, за те ряды и стой: побеждай или умирай, иначе ты

— презренный трус или изменник». Предостерегает, хотя сам же и признаётся, что в случае победы белых лучше никому не будет.

Очень точно это сформулировал автор романа в своих монологах, которые занимают во второй части произведения большое место: «Непоправимой политической глупостью белых стало и то, что командные, боевые должности занимались не по способностям, а по чинам… Эти родовитые прямо говорили: «Как только побьём большевиков, так потребуем девальвации офицерства… Все «серяки из простых» отсеются и превратятся в рядовых или заштатных»… Так находила выход неприязнь, даже ненависть к офицерам из народа вроде Дмитрия Веренцова…»

Но Миша не столько следует завету вскоре погибшего старшего брата, сколько просто реалистично оценивает сложившуюся ситуацию: «большевики голову оторвут и собакам бросят. Я тоже у них буду числиться как доброволец, несмотря на то, что за мной с нагайками двое приезжали из отряда…»

Михаил, в отличие от Мити, не был офицером и не держался за офицерскую честь и присягу. Более того, приглядываясь к простым красноармейцам и красным казакам, он не видел ничего, что сильно отличало бы их от него самого, и ожесточённости, ненависти к ним у него не было. Он не пошёл с разбитыми частями дутовцев за границу, в чуждый ему Китай, а остался на милой его сердцу родине. При этом он не заблуждался насчёт будущего отношения к нему со стороны красных, но блуждать на чужбине не хотел.

Роман кончается так же символично, как у Шолохова: «Всё, к чему почти в звериной тоске по дому стремился он из крови и ужаса братоубийства, было здесь… Две фигуры показались из-за крайних домов станицы, и одна, маленькая, тут же отделилась, рванулась в сторону Михаила. Не оглядываясь на мать, не глядя под ноги, к нему бежал, летел сын Васятка». Оба писатели понимали, что в обстановке жесточайших репрессий единственной для населения казачьих станиц надеждой на выживание — даже не как сословие, а чисто физическое выживание — были дети. Дети как символ будущего. Пусть иного, с другими традициями и верой, однако всё же будущего.

В романе Ивана Веневцева много мудрых обобщений и весёлых, искромётных сцен из жизни, много удивительных пейзажей, написанных уверенной кистью мужающего художника, весомы и драматичны вызывающие ужас и сострадание эпизоды братоубийственной войны в его изображении. Роман неоднороден, но чрезвычайно интересен и самобытен. Читая

его, открываешь для себя много белых страниц из истории Первой мировой и гражданской войн, погружаешься в стихию истории подлинной, а не официальной, которая в жизни никогда не происходит под линеечку, и каждое действие и событие в которой имеет свои положительные и отрицательные стороны для одних и других слоёв общества, для той или иной мировой тенденции в развитии. Именно это и начинаешь понимать с такой очевидностью, когда перелистываешь последнюю страницу романа. И уже никакое переписывание истории по заказу новых властей, как и никакое упорство в отстаивании односторонней правды властей прежних не могут повлиять на читателя, благодаря этому роману научившемуся мыслить, а не глотать информацию.

Потому и потомкам Ивана Веневцева, сохранившим роман и добившимся его издания, и Валерию Кузнецову, облагородившему страницы произведения «Урал — быстра река» своим вдумчивым, бережным профессиональным подходом к их правке, — глубокая и искренняя благодарность от всех тех из нас, кто впервые смог встать над трагедией и посмотреть на неё с высот государственного мышления и заботы о благе всей России в целом, с её и мужиками, и казаками, и детьми будущего… В конечном счёте, этому и служит данный роман — сделать для нас возможным первое приближение к правде.

Журнал «Гостиный Дворъ»
начинает со следующего номера
полную публикацию романа
И. Веневцева «Урал — быстра река»